

Л. Ю. Лепешкина

Советская культурная политика и традиционные обряды народов Поволжья: опыт взаимодействия

Советская культурная политика стала источником порождения новых типов взаимоотношений между людьми. В силу этого традиционная культура народов Поволжья была подвергнута серьезной модернизации, что привело к формированию особой социокультурной среды в регионе, построенной по принципу новаторства и переосмысления прошлого опыта.

Актуальность исследования культурной политики СССР в целом и применительно к Поволжью в частности обусловлена потребностью создания государственной программы развития культуры на современном этапе. Анализ инициатив советского государства в области культурного строительства позволяет выявить особенности, ошибки и достижения в данном направлении деятельности, которые могут быть учтены в настоящем и будущем.

Предметом исследования в статье выступают традиционные обряды народов Поволжья в период осуществления советской культурной политики. Под традиционными обрядами мы понимаем особые культурные формы, связанные с символическим преодолением критических ситуаций в человеческой жизни — рождения, инициации, вступления в брак, эпидемии, неурожая, смерти и т. д. Поскольку данные обряды составляют неотъемлемую часть бытия и отражают опыт индивидуального и коллективного переживания

Лепешкина Лариса

Юрьевна

кандидат

исторических наук,
доцент, Поволжский
государственный
университет сервиса
(Тольятти, Россия)

конкретных событий, то интерес может вызвать воздействие на них идеологического фактора, столь значимого в советский период отечественной истории.

Цель статьи — анализ советской культурной политики в Поволжье, выделение основных этапов ее осуществления и влияния на традиционные обряды местного населения.

Теоретическую базу исследования составили работы историков, этнографов, философов, а эмпирическую — архивный материал по обрядам народов Поволжья, выявленный автором в Самарском областном государственном архиве социально-политической истории, Институте этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Чувашском государственном институте гуманитарных наук, Российском этнографическом музее, Государственном историческом архиве немцев Поволжья в г. Энгельсе.

Методы исследования, используемые в статье, основываются на принципе историзма, который позволяет изучить трансформацию традиций народов Поволжья в советский период, проанализировать составляющие этого процесса в контексте региональной повседневной культуры. Традиционные обряды волжан рассматриваются с точки зрения системного подхода, предполагающего выявление в них наиболее устойчивых элементов при усилении административного воздействия со стороны государства.

Степень научной разработанности темы статьи характеризуется двумя направлениями исследований традиционных и социалистических обрядов в Поволжье. Первое направление представлено работами по традиционной обрядности таких ученых XX–XXI вв., как П. В. Денисов, А. А. Трофимов, Н. И. Егоров, Н. И. Воробьев, Г. Е. Кудряшов, В. Д. Дмитриев, К. И. Козлова, Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Д. М. Макаров, В. Ф. Каховский, А. К. Салмин, Е. А. Ягафова, Р. К. Уразманова и др. Благодаря трудам указанных авторов воссоздается историко-культурный облик региона.

Второе направление исследований включает в себя анализ социалистических обрядов, выявление в них традиционных форм. В 1920–30-е гг. вопрос о необходимости сохранения традиций в повседневной культуре народов СССР был достаточно дискуссионным. В тот период отечественной истории у молодого советского государства возникла потребность создания новой обрядности — социалистической. Ее обширное исследование началось примерно с 1960-х гг.¹ Среди научной литературы, посвященной этой тематике, необходимо назвать работы И. В. Суханова², представляющие собой комплексное исследование генезиса традиций, обычаев и обрядов, их роли в жизни советских граждан. В монографии Д. М. Угриновича «Обряды. За и против» затрагиваются вопросы происхождения и социальной сущности обрядов, их исторических типов³. Особое внимание уделяется критике религиозной обрядности и причинам ее сохранения в советском обществе.

Данные исследования имеют большое значение для определения тенденций развития традиционных обрядов волжан в условиях осуществления советской культурной политики. В период такой политики образ жизни народов Поволжья — русских, мордвы, марийцев (мари), удмуртов, чувашей, казанских и поволжских татар, башкир и немцев — органически сочетал национальное и интернациональное. При этом трактовка образа жизни имела идеологическую специфику. Если

попытаться дать определение советской культурной политики, то ее можно охарактеризовать как деятельность государства, направленную на преобразование сферы культуры и искусства в социалистическом ключе. Главным принципом выступало искоренение тех ценностей, которые ассоциировались с прежним царским режимом и мешали построению светлого будущего, так как от них веяло архаизмом. Поэтому в культурной политике СССР можно выделить следующие направления: активная пропаганда социалистических идеалов, ликвидация безграмотности, борьба с религиозными пережитками и суеверием, формирование модели советского искусства, отличающегося идейностью и новаторством. В данной статье затрагивается лишь небольшая составляющая этой политики, ориентированная на преобразование этнических традиций и на создание «новой» повседневности в Поволжье. Причем подобная преобразовательная деятельность осуществлялась поэтапно, что зависело от отношения партийных органов к традиционным обычаям и обрядам народов СССР в конкретный период: от ожесточенной атаки до попыток приспособить этнические элементы культуры для нужд государства.

Первый этап советской культурной политики пришелся на 1920–1930-е гг. Основным шагом в культурном строительстве молодого социалистического государства стала целенаправленная борьба с религиозными пережитками⁴. Соответственно, в первую очередь уничтожались обряды и традиции, воплощавшие религиозные символы. Поскольку за короткий срок заставить людей отказаться от традиций, являвшихся основой их жизненного уклада, было сложно, государство не всегда решалось искоренить «старые обряды», а скорее пыталось вытеснить их так называемой социалистической, или «красной», обрядностью⁵. Ее возникновение обернулось коренными изменениями в повседневной культуре народов Поволжья. Новые бытовые формы настолько ярко проявились, что быт, характерный для дооктябрьского периода и казавшийся твердым и устойчивым, стал пережитком, сохранившимся только у наиболее отсталых слоев населения⁶. В краеведческих материалах к рукописи «Наш кантон» (1928 г.), обнаруженных в Государственном историческом архиве немцев Поволжья в г. Энгельсе, указывалось, что молодежь Федоровского кантона относилась к «нечистой силе» скептически, а взрослая и пожилая часть населения еще верила в порчу, прибегала к знахарям и даже к «изгонителям бесов». «Духовные лица» уже не обладали таким почетом, как до революции: «В прежние времена глава семьи пользовался неограниченным положением в доме и “учил” не только свою жену, но и снох. Вообще жен избивали по всякому поводу не только в пьяном, но и трезвом виде... В настоящее время случаи избивания жен единичны и женщина чувствует себя самостоятельной, тем более что уверена, что найдет защиту в советских законах»⁷.

В 1920-е гг. для противодействия церковной обрядности получили распространение «красные свадьбы» и «красные похороны»⁸. В частности, неотъемлемой составляющей «красных похорон» стали гражданские панихиды, которые имели ярко выраженную атеистическую направленность, пропагандировали советский образ жизни, новые взгляды на общественные отношения⁹. В результате индивидуальное переживание смерти человека его близкими выходило за рамки конкретной семьи и рода и требовало привлечения партийных соратников, членов трудового коллектива с их пафосными речами. Это способствовало разрушению традиционных

обрядов, связанных с представлениями о загробной жизни, страхом перед умершим. Например, в Поволжье с 1920-х гг. в гроб с покойником редко клали вещи (орудия труда, зимнюю одежду, деньги, курительную трубку, спички, нитки, иголки, бусы, палку для защиты от подземной собаки, ветку шиповника или рябины от нечистой силы). Исчезал чувашский обычай делать *юла* (деревянный надгробный столб) на поминки сорокового дня. Их стали заменять надгробными памятниками, обелисками, получившими широкое распространение по всей стране¹⁰.

Однако активная борьба советского правительства с религиозными пережитками воспринималась не всеми народами как данность и неизбежное следствие постреволюционных преобразований. В частности, татарское население региона отзывалось крайне негативно о государственной инициативе в этой области. Подтверждением недовольства со стороны татар антирелигиозной политикой государства служат архивные материалы, обнаруженные в Самарском областном государственном архиве социально-политической истории. Так, в одном из дел найдено следующее высказывание: «Вы правильно говорите, что Советская власть старается за нас, это все верно, но вот насчет религии, не по-нашему — и у нас отпадает охота слушать вас»¹¹.

Реакция советского правительства на подобный протест была однозначной: в 1927 г. началось проведение ряда административных мероприятий в отношении представителей духовенства, нарушавших закон об отделении церкви от государства, разрешавших открытие нелегальных школ, браки без регистрации, препятствовавших общественной работе женщин. Было установлено наблюдение за деятельностью мулл и религиозных школ. На мусульманскую литературу распространялась строгая цензура¹².

Вместе с тем наряду с административным воздействием на духовенство велась активная политпросветительская работа среди татар Поволжья, которая осуществлялась благодаря расширению сети и улучшению качества учреждений культуры. В регионе организовывались кружки и ячейки общества безбожников, усиливалась их работа среди татарского населения, укреплялись связи этих ячеек с батрачеством, беднотой и середняцкой массой, чтобы вырвать указанные слои из-под влияния духовенства¹³.

В советской культурной политике не предусматривалось разделение религиозного и народного — и то и другое становилось вредным, если не отвечало целям и идеологии молодого социалистического государства. Для контроля за деятельностью религиозных учреждений и проведением народных обрядов, воплощавших религиозные символы, в различных районах Поволжья создавались специальные комиссии. Так, в АССР Немцев Поволжья (далее — АССР НП) комиссия по рассмотрению религиозных вопросов при ЦИК состояла из представителей Наркомюста, Наркомпроса, обкома, совпрофа при ГПУ. В компетенцию данной комиссии входили: «наблюдение за правильным проведением на местах законов, связанных с культурами, инструктирование ниже стоящих органов и дача указаний и разъяснений в пределах существующего законодательства; рассмотрение вопросов о разрешении религиозных съездов в республике и кантонах; учет всех религиозных обществ и групп в автономной ССР НП и составление сводок» (утв. 16 июля 1931 г.)¹⁴.

Успеху советской культурной политики в Поволжье во многом способствовали строительство школ и борьба с неграмотностью среди взрослого населения. Так, среди чувашей уровень грамотности в 1920-е гг. составлял у мужчин 36,9 %, у женщин — 10,7 %. По сравнению с 1897 г. данный показатель возрос у мужчин в два раза, у женщин — в восемь раз¹⁵. В результате это приводило к отходу большей части населения, особенно молодежи, от прежнего дореволюционного образа жизни, к резкому сокращению элементов в обрядах, падению авторитета «духовных лиц»¹⁶. Например, у немцев Поволжья празднование свадьбы сократилось от двух недель до одного дня¹⁷.

Кроме того, индустриализация и коллективизация требовали привлечения значительного числа трудящихся, что позволило бы «еще быстрее решить перестройку старого быта на социалистические рельсы»¹⁸. Согласно материалам работы культурно-бытовой кооперации АССР НП от 1931 г., «домашний мелкий раздробленный быт (кухня, воспитание детей) станов[и]тся конкретным препятствием в проведении этого гигантского социалистического строительства. А поэтому следует... развернуть массовую работу на селе по вербовке членов культурно-бытовой кооперации, добиться выполнения контрольной цифры, а также сбор средств, так как в нынешние годы требуется гораздо больше средств для развертывания детучреждений, давая этим возможность всем трудящимся женщинам участвовать в соцстроительстве»¹⁹. Очевидно, что подобная государственная инициатива серьезно повлияла на трансформацию традиционных обрядов.

Известная исследовательница Поволжья Т. А. Крюкова при характеристике марийских обрядов в рукописном отчете об экспедиции 1939 г. по региону указывала на то, что переломными для традиционной обрядности были 1930–1931 гг. (первые годы коллективизации)²⁰. В свадьбах и похоронах, совершаемых по-новому, обнаруживались «элементы пережиточных явлений». На свадьбе сохранялся обряд надевания невестой национального головного убора. Из числа многочисленных участников свадебного обряда важную роль продолжал играть *суанвуй* (главный распорядитель свадьбы), который ведал угощением гостей. Свадебные подарки оставались, но они были только фабричного происхождения, что отражалось в фольклоре²¹.

В отношении похоронного обряда Т. А. Крюкова выделила «интересные факты, говорящие об архаизме: гроб из досок, связанный лыком без гвоздей, окошечко в правом углу гроба, столбик с родовым клеймом на могиле и т. д.»²². Исследователь заключает: «Говорить об окончательном ликвидации верований, конечно, преждевременно. В священных рощах, какие мы наблюдали, приходилось встречать иногда свежие следы от костров, что свидетельствовало об индивидуальных жертвоприношениях. Массовость кровавых жертвоприношений, конечно, навсегда утрачена»²³.

Интересным явлением в социокультурной жизни Поволжья 1920–1930-х гг. можно считать распространение краеведческих движений, которые, с одной стороны, стремились описать погибающие элементы традиционной обрядности волжан, а с другой — своими собраниями, открытыми лекциями показать «ущербность» и «вредность» данной обрядности.

Примечательно, что со второй половины 1920-х гг. к руководству краеведением пришли люди, имевшие преимущественно опыт партийной или государственно-аппаратной работы. В качестве примера целесообразно привести деятельность Общества научного изучения Республики Немцев Поволжья, открытого в 1929 г. и изначально жестко контролировавшегося Наркомпросом АССР НП. Из Устава Общества известно, что оно «имеет целью объединение лиц, работающих в области научного изучения Республики Немцев Поволжья, а также научную разработку относящихся к этой области вопросов, распространение соответствующих сведений и пробуждение интересов к задачам общества в общественной среде»²⁴. На собраниях Общества, в частности, обсуждались проблемы, связанные с борьбой с суевением и религиозными пережитками (А. К. Маттерн. «Церковные и сектантские организации Республики Немцев Поволжья в настоящем и прошлом», 14 апреля 1929 г.; С. Е. Константинов. «К истории заселения нашего края», 28 апреля 1929 г.)²⁵.

К середине 1930-х гг. политика по отношению к советским краеведческим организациям изменилась в худшую сторону — региональные музеи закрывались, многие краеведы были репрессированы²⁶.

В настоящее время стало очевидным, что разгром краеведения в 1930-е гг. нанес непоправимый урон исследованиям повседневной культуры СССР. Лишь некоторые самоотверженные ученые из республиканских научных центров и университетов, Московского государственного университета, Государственного музея этнографии в Ленинграде, Института этнографии АН СССР пытались в годы советской власти собрать и систематизировать краеведческий материал о различных регионах страны.

Второй этап советской культурной политики относится к 1940–1950-м гг. Великая Отечественная война и послевоенная разруха несколько затруднили ее осуществление. В то же время большинство исследований свидетельствует об исчезновении многих обрядов именно в те годы²⁷. Лишь поминальные обряды демонстрировали наибольшую устойчивость. Так, в честь погибших в Великой Отечественной войне и похороненных в разных местах на чувашских языческих кладбищах устанавливались *юга* как символы поминовения²⁸.

Эклектический характер обрядности в 1950-е гг. был сильно выражен в свадебных и похоронно-поминальных ритуалах волжан. Одним из примеров может служить свадьба мордвы-эрзя. Вступление молодых людей в брак начиналось со сватовства, которое длилось два дня. В первый день сватался будущий свекор, во второй — будущая свекровь. Родные невесты обязательно дарили им подарки (полотенца), сваты же редко одаривали потенциальных родственников. Все вышеперечисленные действия относятся к традиционным элементам свадебной обрядности, но далее происходит смешение прежних и новых представлений о бракосочетании. После согласия молодых людей на брак осуществлялась регистрация в ЗАГСе, затем следовало венчание. Если жених и невеста не хотели венчаться, то свадьба считалась не состоявшейся. Между регистрацией и венчанием мог быть интервал. Только после венчания начиналось празднование свадьбы²⁹.

Среди русского населения, проживавшего в сельской местности Поволжья, могли встречаться примеры трепетного почитания традиционных обрядов, невзирая на широкое распространение социалистических ценностей. Так, в селе

Шереметьевка Саратовской области до середины XX в. все женщины занимались кружевоплетением. Изготавливали подзоры, наволочки, занавески, рубашки, платья. Все это укладывалось в приданое невесты, которое вечером перед свадьбой приносилось в дом жениха. После отправления приданого невеста с подругами шла в баню. Выйдя из бани, молодежь собиралась в доме, где устраивался девичник. На столе было много еды и обязательно чай. Утром следующего дня подруги невесты приходили рано, одевали ее, причесывали. Невесту облачали в однотонное платье, фату делали из марли, а венок — из живых, бумажных и восковых цветов. Платье в семье передавалось от матери к дочери и так до тех пор, пока оно сохраняло приличный вид³⁰.

Если после регистрации брака в ЗАГСе и празднования свадьбы свекровь (заходившая утром к молодым в комнату с банным веником, украшенным лентами) выясняла, что невестка не девственница, на шею ее матери надевали хомут или ярмо, с которым она должна была пройти по улицам села. Эта традиция сохранялась до 1960-х гг.³¹

Еще одним примером синтеза народных традиций и символов советской эпохи выступал новый вариант использования ритуального удмуртского полотенца «чушкән». Как писала Т. А. Крюкова в отчете о поездке в Удмуртскую АССР в 1947 г., подобного типа полотенца вывешивались удмуртами накануне праздников в переднем углу и над окнами домов. Новым явлением стало украшение этими полотенцами портретов советских вождей³². В таком случае образ государственного деятеля обретал статус священного, охранявшего место проживания и требовавшего почитания.

Что касается развития похоронно-поминальных обрядов волжан, то с 1950-х гг. массовое распространение получила установка памятников, а также высокой могильной ограды³³. Похороны и поминки в регионе проводились зачастую без приглашения священнослужителей и жрецов (священника, муллы, туно). Ими распоряжались, как правило, старейшие члены в роде покойника³⁴.

Таким образом, в 1940–1950-е гг. обряды волжан балансировали между традиционными ценностями и стремлением советского правительства направить повседневную жизнь людей в «правильное русло», отвечающее социалистической идее общинности и нивелирующее этнические различия.

Третий этап советской культурной политики, оказавшей серьезное влияние на обрядность народов Поволжья, длился с 1960-х по 1980-е гг. В этот период активно обсуждался вопрос о роли обрядов в жизни советских граждан. Данной теме были посвящены многочисленные научные конференции и семинары, монографии и сборники статей³⁵. В различных районах страны создавались комиссии по советским традициям, праздникам и обрядам, публиковались методические указания по проведению того или иного обряда. Так, Постановлением Совета министров Чувашской АССР от 28 декабря 1968 г. в Чувашии был создан Республиканский Совет по внедрению новой гражданской обрядности, разработавший различные мероприятия в этой области, рекомендованные к исполнению министерствам и ведомствам республики³⁶. Кабинет Министерства культуры Чувашской АССР издал бюллетень под авторством Г. Е. Кудряшова³⁷, где дана классификация новых советских праздников и обрядов. Классификация сводилась к следующему: революционные и военно-патриотические праздники и обряды; трудовые

праздники и обряды; праздники и обряды коммунистического быта; праздники и обряды для детей и юношества. Эта классификация получила признание и за пределами Чувашской АССР³⁸. Несмотря на то что данная классификация была строго ориентирована на развитие советских праздников и обрядов, в нее могли включаться традиционные праздники и обряды волжан как демонстрация уважения национальных интересов местного населения. Например, «праздник сохи» (марийск. *ага-пайрам*; чувашск. *акатуй*), первоначально заключавший в себе идею «моления об урожае», превращался в середине XX в. в праздник сева, популярный среди колхозников³⁹. На свадьбу или на поминки сохранялась традиция готовить ритуальные блюда (чак-чак, тырбыча, губадия, бялеш, блины, кутья и т. д.)⁴⁰, которые органично вписывались в гражданскую обрядность.

Внедрение новых форм обрядности осуществлялось более осторожно, чем в 1920–1930-е гг. В 1960-е гг. распространение гражданских обрядов происходило в основном в крупных городах Центральной России, а также на Украине, в Латвии, Литве, Эстонии. Однако в других регионах новые обрядовые формы не получили широкого развития⁴¹. В частности, в Чувашской Республике опыт внедрения гражданской обрядности не дал желаемого результата в борьбе с утвердившейся среди населения церковной обрядностью. Так, несмотря на снижение числа людей, соблюдавших религиозные обряды (венчание, крещение и др.), количество отпеваний в 1964 г. по сравнению с 1963 г. увеличилось на 9,6 %. При этом доходы церкви от осуществления религиозных обрядов в республике выросли на 8,3 %⁴².

Этнограф Л. С. Смусин в отчете о командировке в Ульяновскую область в 1968 г. писал, напротив, о снижении доходов церкви в регионе — на 25 % за последние три года. В то же время он отмечал, что «отмирание религиозности в разных группах населения и разных районах страны происходит неравномерно... Сегодня лишь среди наиболее отсталых стариков и старух деревни бытует распространенная до революции вера в возможность молитвами предотвратить засуху. Однако эти христианские верования причудливо переплетаются с языческими представлениями. В селе Баевка Кузоватовского района, если нет долгого дождя в период роста зерновых, то верующие старухи собираются с иконами у Сурковского родника “молить дождя”. В селе Коржевка Инзенского района, наряду со старухами, в “молении дождя” участвуют и старики»⁴³.

Во многих отчетах об этнографических экспедициях в Поволжье в 1960–1980-е гг. указывалось, что традиционные обряды и верования были уделом стариков, молодое поколение отошло от них⁴⁴. В частности, в отчете Л. А. Иванова присутствует высказывание о чувашской языческой религии, которая «доживает свои последние дни и уже не составляет в наше время реальной опасности для молодого поколения и является скорее всего этнографической редкостью, сохранившейся в виде оазисов в чувашских деревнях, окруженных иноязычными татарскими, башкирскими или русскими деревнями»⁴⁵.

На всесоюзном уровне политика борьбы с традициями народов Поволжья нашла отражение в Постановлении Пленума ЦК КПСС от 1983 г. «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии», в котором подчеркивались важность пропаганды научно-материалистических взглядов среди жителей страны и необходимость атеистического воспитания⁴⁶.

Тем не менее изменения, произошедшие в традиционных обрядах народов Поволжья в XX в., не могли объясняться лишь идеологическими причинами. Особую роль здесь играли процессы урбанизации. Например, согласно исследованиям, проведенным в Чувашской АССР в 1981–1982 гг., в городе отдавалось предпочтение гражданскому похоронно-поминальному обряду (с венками, оркестром, речами и т. д.) — 53,7 %. Старинный чувашский похоронно-поминальный обряд с полным соблюдением религиозных предписаний исполнялся лишь 5,8 % городского населения⁴⁷. Среди татарских семей, проживавших в городах Татарстана, 67–73 % соблюдало полностью или частично традиционный похоронно-поминальный обряд. При этом данный процент включал группы населения с различным уровнем образования, кроме лиц с высшим образованием⁴⁸. Следовательно, степень традиционности в обрядах народов региона снижалась под влиянием урбанизации. Зачастую то самобытное, индивидуальное, что отражало этническую специфику населения Поволжья (установление надгробных памятников *юла* и «приглашение» в поминальные дни усопших предков — у чувашей; совершение общих молитв в священных рощах — у марийцев; ритуальное жертвоприношение животных — у татар и т. д.), растворялось в условиях города.

Во многом переосмысление народами Поволжья традиционных обрядов в XX в. было связано не только с культурной политикой СССР, но и с ростом межэтнических браков⁴⁹. К концу прошлого века доля браков, заключаемых в Татарстане между лицами разных национальностей, составляла 20–25 % в городах и 13–15 % в сельской местности⁵⁰. Подобная практика приводила к смешению обрядов, к утрате в них этнических компонентов.

Обзор истории советской культурной политики и анализ ее влияния на традиционные обряды народов Поволжья позволяют сформулировать ряд выводов.

Несмотря на агитационную и просветительскую работу советских властей по внедрению нового социалистического образа жизни, роль традиций в Поволжье была высока вплоть до 1960-х гг.

Наиболее ярко национальные особенности проявлялись в свадебной и похоронно-поминальной обрядности населения региона. Немалое значение в сохранении традиционных элементов в обрядах народов Поволжья имело то, что в трагической ситуации смерти близкого человека или во время свадьбы люди нередко обращались к опыту предыдущих поколений как к «проверенному рецепту» переживания кризисных, переломных событий.

В настоящее время очевидно, что сама культурная политика СССР может восприниматься как сложный социокультурный феномен, навсегда изменивший систему ценностей и образ жизни многих народов. Ее влияние сказывается и сегодня: все попытки реконструировать утраченные элементы традиционной обрядности в условиях современности сравнимы с порождением симулякров, поскольку ни одна копия не способна заменить оригинал и выразить его сущность.

¹ См., напр.: Геродник Г. И. Дорогами новых традиций. М., 1964; Нагирияк Е. В., Петрова В. Я., Раузен М. В. Новые обряды и праздники. М., 1965; Сарсенбаев Н. С. Обычаи и традиции в развитии. Алма-Ата, 1965.

- ² Суханов И. В.: 1) Обычай, традиции и преемственность поколений. М., 1976; 2) Обычай, традиции, обряды как социальные явления. Горький, 1973.
- ³ Угринович Д. М. Обряды. За и против. М., 1975.
- ⁴ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее — СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2485. Л. 132; Д. 2497. Л. 76; Д. 2498. Л. 185; Д. 2777. Л. 125; Д. 2778. Л. 206; Д. 2786. Л. 126.
- ⁵ См. об этом: Алексеевский М. Д. Советские праздники в русской деревне: к постановке проблемы // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология. Вып. 2: мат-лы VI Международной школы молодого фольклориста (22–24 ноября 2003 г.) / отв. ред. В. М. Гацак, Н. В. Дранникова. Архангельск, 2004. С. 165; Советские традиции, праздники и обряды / сост. Б. В. Попов. Киев, 1988. С. 208.
- ⁶ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее — НА ЧГИГН). Отд. III. Ед. хр. 2229. Л. 9.
- ⁷ Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе (далее — ГИАИП). Ф. Р-1831. Оп. 1. Д. 172. Л. 6.
- ⁸ Алексеевский М. Д. Советские праздники в русской деревне... С. 166.
- ⁹ Советские традиции, праздники и обряды... С. 92.
- ¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 61. Л. 79.
- ¹¹ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2479. Л. 1.
- ¹² Там же. Д. 2485. Л. 4; Лепешкина Л. Ю. Похоронно-поминальный обряд как механизм сохранения традиций в культуре народов Среднего Поволжья (XX в.) // В мире научных открытий. 2012. № 7.1 (31). С. 175–176.
- ¹³ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2479. Л. 4, 5, 22.
- ¹⁴ ГИАИП. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 797. Л. 5.
- ¹⁵ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 61. Л. 90.
- ¹⁶ ГИАИП. Ф. Р-1831. Оп. 1. Д. 172. Л. 6.
- ¹⁷ Там же. Л. 23.
- ¹⁸ ГИАИП. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 851. Л. 13.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Российский этнографический музей (далее — РЭМ). Ф. 18. Оп. 1. Д. 4. Л. 14.
- ²¹ Там же. Л. 18.
- ²² Там же. Л. 19.
- ²³ Там же. Л. 18.
- ²⁴ ГИАИП. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 737. Л. 3.
- ²⁵ Там же. Л. 30, 32.
- ²⁶ См. об этом: Личак Н. А. Состояние краеведческих обществ Советской России в 1920–30-х гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: мат-лы XV Межд. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 2. Иваново, 2016. С. 491.
- ²⁷ См., напр.: Ягафова Е. А. Чувашское «язычество» в XVIII — начале XXI века: монография. Самара, 2007. С. 55.
- ²⁸ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 769. Л. 83.
- ²⁹ Архив Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (далее — АИЭА РАН). Ф. 47. Оп. 12. Д. 1012. Л. 33.
- ³⁰ Научный архив Саратовского областного музея краеведения (далее — НА СОМК). Отчет об историко-этнографической экспедиции в Лысогорский район Саратовской области в 2004 г. С. 16.
- ³¹ Там же.
- ³² РЭМ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.
- ³³ См. об этом: Уразманова Р. К. Современные обряды татарского народа (историко-этнографическое исследование). Казань, 1984. С. 129.
- ³⁴ РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1220. Л. 50.
- ³⁵ См., напр.: Алексеев Н. П., Носова Г. А. Новому гражданину — новые обряды. М., 1985; Вопросы развития социалистических праздников и обрядов. Рига, 1981; Советские традиции, праздники и обряды: опыт, проблемы, рекомендации / В. И. Воловик, В. В. Данков, Г. П. Ерхов и др.; рук. авт. кол. М. А. Орлик; сост. М. А. Довбуш, Н. М. Закович, В. А. Перунов. М., 1986.
- ³⁶ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 2229. Л. 4.

- ³⁷ Кудряшов Г. Е. Атеизм и молодежь: о формировании атеистической убежденности. Чебоксары, 1968.
- ³⁸ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 2229. Л. 5.
- ³⁹ РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1220. Л. 52.
- ⁴⁰ Там же. Д. 1853. Л. 15–16.
- ⁴¹ Там же. Д. 1220. Л. 9.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. Д. 1631. Л. 26.
- ⁴⁴ РЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 319. Л. 12; Оп. 1. Д. 1853. Л. 16; Д. 1631. Л. 26; НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 2229. Л. 13; АИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 12. Д. 2103. Л. 1.
- ⁴⁵ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 2229. Л. 13.
- ⁴⁶ Материалы Пленума Центрального комитета КПСС. 14–15 июня 1983 г. М., 1983. С. 73.
- ⁴⁷ Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье в Советскую эпоху (до середины 1980-х годов) / отв. ред. В. В. Пименов, В. П. Иванов. Чебоксары, 1991. С. 213.
- ⁴⁸ Старовойтова Г. В. К исследованию этнопсихологии городских жителей (по материалам опроса населения трех городов ТАССР) // Советская этнография. 1976. № 3. С. 53.
- ⁴⁹ АИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 12. Д. 1665. Л. 37; Отчет о НИР. Этническое развитие и межэтническое взаимодействие народов Волго-Уральского региона (заключительный) / руководитель НИР Е. П. Бусыгин. Казань, 2000. С. 13.
- ⁵⁰ Отчет о НИР... С. 14.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Лепешкина Л. Ю. Советская культурная политика и традиционные обряды народов Поволжья: опыт взаимодействия // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 725–736. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.312>
УДК 930.85:304.42

Аннотация: Статья посвящена советской культурной политике, осуществлявшейся в 1920–1980-е гг. и трансформировавшей образ жизни и традиционные обряды народов Поволжья. Характеризуются основные этапы ее реализации, выделение которых обуславливалось конкретными действиями властей, первоначально уничтожавших, а затем приспособивших часть региональных традиций для нужд государства. На основе анализа отчетов об этнографических экспедициях в Поволжье и делопроизводственной документации ЦИК АССР Немцев Поволжья, Совета министров Чувашской АССР из центральных и региональных архивов автор выделяет три этапа советской культурной политики, ориентированной на традиционные обряды местного населения: 1-й этап (1920–1930-е гг.) — активная борьба с религиозными пережитками; 2-й этап (1940–1950-е гг.) — период молчаливого принятия уцелевших элементов обрядности; 3-й этап (1960–1980-е гг.) — осторожное осуждение региональных традиционных обрядов и попытка приспособить некоторые из них для развития советских праздников и обрядов. Убежденность партийных деятелей в возможности административными методами ликвидировать те или иные традиции не приводила к ожидаемым результатам. Наибольшую устойчивость в советский период демонстрировали свадебные и похоронно-поминальные обряды народов Поволжья как «проверенные рецепты» переживания кризисных событий. В целом на традиционные обряды волжан оказывали влияние не только идеологические факторы, но и процессы урбанизации, рост межэтнических браков. Новизна исследования состоит в том, что впервые традиционные обряды народов Поволжья рассматриваются с точки зрения системного подхода, предполагающего выявление в них наиболее устойчивых элементов при усилении административного воздействия со стороны государства.

Ключевые слова: СССР, советская культурная политика, народы Поволжья, традиционные обряды, свадьба, похоронно-поминальные обряды, традиции, гражданская обрядность.

Сведения об авторе: Лепешкина Л. Ю. — кандидат исторических наук, доцент, Поволжский государственный университет сервиса (Тольятти, Россия); lara_yura@list.ru

FOR CITATION

Lepeshkina L. Yu. 'The Soviet Cultural policy and Traditional Rites of the Peoples of the Volga Region: Experience of Interaction', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 3, 2018, pp. 725–736. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.312>

Abstract: The paper is devoted to the Soviet cultural policy, which was carried out in the 1920–1980s and transformed a way of life and traditional rites of the peoples of the Volga region. The main stages of its realization are characterized that was caused by the specific actions of the authorities which were initially destroying, and then adapting a part of regional traditions for needs of the state. The author identifies three stages of the Soviet cultural policy focused on traditional rites of the local population on the basis of the reports on ethnographic expeditions to the Volga region and documentation of the Central Executive Committee of the Volga German ASSR, the Council of Ministers in the Chuvash ASSR from the central and regional archives: 1 stage (the 1920–1930s) — an active fight against religious carry-overs; 2 stage (the 1940–1950s) — the period of silent acceptance of the saved elements in ritualism; 3 stage (the 1960–1980s) — a careful condemnation of regional traditional rites and an attempt to adapt some of it for development of the Soviet holidays and rites. The party workers' conviction of an opportunity to liquidate this or that traditions by administrative methods did not give the expected results. Wedding and funeral rites of the peoples of the Volga region showed the greatest stability in the Soviet times as "the well-tried recipes" of overcoming of crisis events. In general, not only ideological factors but also processes of urbanization, a growth of interethnic marriages had an influence on traditional rites of the natives of the Volga region. The novelty of the research is that traditional rites of the peoples of the Volga region are considered from the point of view of the system approach for the first time, which assumes the identification of the steadiest elements in it under the strengthening of administrative influence from the state.

Keywords: USSR, Soviet cultural policy, the peoples of the Volga region, traditional rites, wedding, funeral rites, traditions, civil ritualism.

Author: Lepeshkina L. Yu. — Candidate in History, Associate Professor, Volga Region State University of Service (Togliatti, Russia); lara_yura@list.ru

References:

- Alekseev N. P., Nosova G. A. *Novomu grazhdaninu — novye obryady* (Moscow, 1985).
- Alekseevskiy M. D. 'Sovetskie prazdniki v russkoy derevne: k postanovke problemy', *Kompleksnoe sobiranie, sistematika, eksperimentalnaya tekstologiya*, Iss. 2: *mat-ly VI Mezhdunarodnoy shkoly molodogo folklorista (22–24 noyabrya 2003 g.)*, Ed. V. M. Gatsak, N. V. Drannikov (Arkhangelsk, 2004).
- Etnokulturnye protsessy v Povolzhie i Priuralie v Sovetskuyu epokhu (do serediny 1980-kh godov)*, Eds. V. V. Pimenov, V. P. Ivanov (Cheboksary, 1991).
- Gerodnik G. I. *Dorogami novykh traditsiy* (Moscow, 1964).
- Kudryashov G. E. *Ateizm i molodezh: o formirovaniy ateisticheskoy ubezhdenosti* (Cheboksary, 1968).
- Lepeshkina L. Yu. 'Pokhoronno-pominalny obryad kak mekhanizm sokhraneniya traditsiy v kulture narodov Srednego Povolzhia (XX v.)', *V mire nauchnykh otkrytiy*, no. 7.1 (31), 2012.
- Lichak N. A. 'Sostoyanie kraevedcheskikh obshchestv Sovetskoy Rossii v 1920–30-kh gg.', *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov v istorii Rossii XX–XXI vekov: mat-ly XV Mezhd. nauch. konf.*, Part 2 (Ivanovo, 2016).
- Materialy Plenuma Tsentralnogo komiteta KPSS. 14–15 iyunya 1983 g.* (Moscow, 1983).
- Nagirnyak E. V., Petrova V. Ya., Rauzen M. V. *Novye obryady i prazdniki* (Moscow, 1965).
- Sarsenbaev N. S. *Obychai i traditsii v razvitii* (Alma-Ata, 1965).
- Sovetskie traditsii, prazdniki i obryady*, ed. B. V. Popov (Kiev, 1988).
- Sovetskie traditsii, prazdniki i obryady: Opyt, problemy, rekomendatsii*, V. I. Volovik, V. V. Dankov, G. P. Erkhov and oth. (Moscow, 1986).
- Starovoytova G. V. 'K issledovaniyu etnopsikhologii gorodskikh zhiteley (Po materialam oprosa naseleniya trekh gorodov TASSR)', *Sovetskaia etnografiya*, no. 3, 1976.
- Sukhanov I. V. *Obychai, traditsii i preemstvennost pokoleniy* (Moscow, 1976).
- Sukhanov I. V. *Obychai, traditsii, obryady kak sotsialnye yavleniya* (Gorkiy, 1973).
- Ugrinovich D. M. *Obryady. Za i protiv* (Moscow, 1975).
- Urazmanova R. K. *Sovremennye obryady tatarskogo naroda (istoriko-etnograficheskoe issledovanie)* (Kazan, 1984).
- Voprosy razvitiya sotsialisticheskikh prazdnikov i obryadov* (Riga, 1981).
- Yagafova E. A. *Chuvashskoe "yazychestvo" v XVIII — nachale XXI veka* (Samara, 2007).